

ВОЙНА НА ЗАПАДЕ И ПРЕДВОЕННАЯ ОБСТАНОВКА В СССР (КАК ГИТЛЕР ОБМАНУЛ СТАЛИНА)

В конце июня 1940 года Франция потерпела сокрушительное и унижительное поражение (тем более унижительное, что в отличие от СССР Франция уже была в состоянии войны с Германией восемь месяцев — никакого неожиданного нападения со стороны Германии не было, армия была отоброширована и развернута в боевые порядки, командный состав был опытный и никаким репрессиям, как в СССР, не подвергался), закончившееся подписанием капитуляции в том же самом вагоне, в котором был подписан договор о перемирии с Германией в 1918 г. Недаром на Западе не любят вспоминать о Второй мировой войне, о Первой мировой (победной) там знают больше, да и памятников Первой мировой войны больше. Как это произошло? Да так же, как и у нас в 1941-м, только еще хуже: французы предпочли сдаться сразу. Об этом хорошо написал Эренбург, будучи свидетелем событий. Еще во время Чехословацкого кризиса, после сдачи Гитлеру без боя Судетов (Мюнхен, 30 сентября 1938 г.), Эренбург наблюдал неописуемую радость французского обывателя («пронесло!»), выражением апофеоза которой явилось предложение назвать одну из улиц Парижа «имени 30 сентября», аналога «дня победы». Победа же в войне определяется наличием трех факторов: ресурсов, готовности солдат умирать и компетентности генералов. У французов отсутствовал второй

фактор, а у нас (в 1941 г.) — третий (революция 1917-го не прошла даром).

После быстрой победы над Польшей в сентябре 1939 г. Гитлер планировал начать военные действия против Франции во второй половине октября. Штаб сухопутных сил (ОКХ) возражал, ссылаясь на недостаточную боевую подготовку войск, получивших в большом объеме новое вооружение и еще не освоивших его в нужной степени (даже в вермахте это было проблемой!). В отличие от ситуации в Первую мировую войну, когда основная группировка французских вооруженных сил размещалась на юго-востоке — границе с Германией — и существовала возможность ее разгрома посредством глубокого охвата ее правым флангом через Бельгию по плану Шлиффена, в 1939 г. основные силы англо-французских войск размещались у границы с Бельгией, ожидая возможного наступления немцев. Новая граница с Германией была укреплена системой новейших крепостей: 400-км «Линия Мажино» от Бельфора до Лонгюйона. Таким образом, план Шлиффена в его классическом варианте не мог быть осуществлен, в том числе и потому, что он не обеспечивал внезапности (после Первой мировой войны он изучался во всех военных академиях). Был разработан план фронтального наступления двумя группами армий (Б — фон Бок — основная задача через Бельгию и А — фон Рундштедт — вспомогательная по защите южного фланга группы Б) в широтном направлении от реки Маас (от Седана на юге до Льежа на севере) к Атлантическому побережью. Стратегический успех этого плана был сомнителен: фронтальное наступление на ожидаемом противником направлении в лучшем случае могло привести к «выдавливанию» англо-французских войск на рубеж реки Соммы, но не к их разгрому. Плохая погода для авиации, без которой Гитлер уже не наступал, в сочетании с тонким «саботажем» ОКХ отсрочила начало наступления немцев до мая 1940 г. Это решающим образом положительно повлияло на исход кампании: за время вынужденного бездействия Манштейн, считающийся самым талантливым военным стратегом Германии во Второй мировой войне,

работая в штабе группы «А», предложил новый план операции, приведший к быстрому разгрому англо-французских войск.

Суть плана Манштейна заключалась в организации мощного танкового прорыва в широтном направлении через Арденны у Седана (западнее линии Мажино — полоса группы армий «А») с последующим быстрым выходом с юга в тыл основной (северной) группировки англо-французских войск к нижнему течению Соммы и далее к побережью. В это время соединения группы «Б» должны были наступать в Бельгию, организуя давление с фронта (вспомогательная задача). Таким образом, планировалась операция на окружение основных сил англо-французских войск, развернутых на севере Франции и (с началом военных действий) в Бельгии. Единственной проблемой реализации этого плана была возможность операций танковых соединений в горно-лесистой местности Арденн. Гудериан рассеял все сомнения. Позже, в 1945 г., советские войска показали еще более рискованный пример применения танковых войск в горной местности при глубоком прорыве из Монголии через хребет Большой Хинган в тыл японской Квантунской армии. Таким образом, осенью 1939 г. вся мировая история могла пойти по другому сценарию, если бы тогда Гитлер настоял начать наступление (по первоначальному плану ОКХ) — война на западе затянулась бы, появились бы новые политические комбинации.

Однако все произошло, как по писанному Манштейном. Успешное наступление немецких войск в Бельгии, начавшееся 10 мая 1940 г., вызвало «естественную» реакцию союзного англо-французского командования — передислокацию войск еще дальше на север от границы Франции. Последующего танкового (Клейст и Гудериан) удара через Арденны с форсированием Мааса у Седана никто не ожидал. Через две недели наступления немецкие танки вышли к побережью, отрезав северную группировку (30 дивизий) союзников от баз снабжения. Уже 14 мая премьер-министр Франции Рейно верно оценил ситуацию и сообщил Черчиллю о поражении Франции. Тот, правда, по опыту Пер-

вой мировой войны считал, что наступление немцев остановится через несколько дней. Поразительна близорукость и давление стереотипов даже при наличии таких новых фактов, как быстрый разгром Польши.

Началось отступление союзных войск к порту Дюнкерк с целью их эвакуации в Англию. Как известно, Гитлер остановил танки, запретив их использовать для окончательного разгрома союзников в Дюнкерке и поручив эту задачу авиации Геринга. Мотив этого решения достаточно рационален и, скорее всего, сформировался под влиянием Рундштедта при поддержке Геринга. Дело в том, что предстояла еще вторая, весьма серьезная фаза операции (операция «Рот») по разгрому большей части французской армии южнее Соммы и для ее проведения танки были необходимы *как можно скорее* — *темп операции имел главное значение*. Существует известный закон военных операций, подтвержденный опытом: ввод соединения в бой вы планируете сами, а вывод его из боя зависит от противника, так как оно связывается боем. Предсказать развитие операции по ликвидации полуокруженной в порту у моря значительной группировки противника было трудно — современных аналогов не было. Чтобы не гнаться за двумя зайцами, немцы сосредоточились на главной задаче — разгроме оставшихся французских войск. Другой вопрос, что немецкая авиация по техническим причинам не смогла решить вспомогательную задачу срыва эвакуации 300 тыс. деморализованных союзных войск, но ведь это был уникальный «эксперимент» применения авиации, и в таких экспериментах результат полностью непредсказуем. Возможно, что, допуская эвакуацию, Гитлер позволял Великобритании «сохранить лицо» для последующих мирных переговоров.

Дальнейшие действия немецких войск, по существу, проходили по идеям плана Шлиффена: прорыв подвижных соединений в трех направлениях на юг с последующим выходом с запада в тыл линии Мажино, где и была окружена еще одна крупная группировка французских войск. Прочный фронт на Сомме французы не успели организовать (восемь месяцев было бездарно потеряно), и после его про-

Гитлер торжествует в поверженной Франции
(июль 1940 г.)

рыва началось общее отступление. 14 июня немцы вошли в Париж, а 22 июня 1940 г. маршалом Петэном была подписана капитуляция.

Две крупные стратегические ошибки в планировании военных действий французским командованием (генерал Гамелен) привели Францию к катастрофе: недооценка важности рубежа обороны на реке Маас у Седана западнее линии Мажино и отсутствие подготовленного запасного рубежа обороны на Сомме с подвижным резервом в глубине. Созданный в спешке рубеж на Сомме немцы быстро провалили. (В России именно предвоенное развертывание войск Резервного фронта на Днестре спасло страну.) Ничего не помогло — ни наличие опытных кадров, ни отсутствие внезапности нападения (целых полгода было известно, что немецкое наступление вот-вот состоится).

Никто не ожидал поражения Франции в такие короткие сроки, даже Гитлер. В результате оказалось, что летом не была проведена подготовка к дальнейшим военным операциям, в частности, как говорят, против Великобритании.

Правда, Гитлер вообще колебался относительно военного решения в отношениях с Великобританией по многим причинам: в случае поражения Великобритании ее колониальное наследство, очевидно, досталось бы не Германии, а США; десантная операция большого масштаба требовала огромных усилий по ее подготовке при сохранении очень большого риска (английский флот был существенно сильнее немецкого); сохранялась возможность договориться со сторонниками мюнхенской политики, находящимися в правительстве (мироворцы всегда и везде имеются в наличии — «только бы не было войны»). Сигнал к миру Гитлер послал Англии, выступая в Рейхстаге после победы над Францией в июле 1940 г., и одновременно принял решение напасть на СССР. Уже к сентябрю 1940 г. был разработан и принят план обеспечения скрытности подготовки к войне с Россией. Позже (май 1941г.) с тайной мирной миссией в Англию прилетел Гесс, заместитель Гитлера, содержание переговоров которого до сих пор засекречено. Известно только, что Гитлер рассчитывал на поддержку своей мирной инициативы со стороны королевской семьи и английской аристократии. Уже во время войны Сталин при личной встрече спрашивал Черчилля о Гессе, но британский премьер фактически уклонился от освещения подробностей этого события. Когда Сталин усомнился в официальной версии события (Гесс прилетел без санкции Гитлера, никаких переговоров не было), а Черчилль в ответ «оскорбился» недоверию, то Сталин «добродушно» сказал: «Даже в России разведка не все докладывает руководству».

Черчилль, определявший в это время политику Великобритании, решительно отвергал любые попытки мирных переговоров (тоже, скажем прямо, иррациональная позиция). Поэтому Гитлер (под влиянием Геринга) решил попробовать реализовать доктрину Дуэ — обеспечить стратегическую победу воздушными силами. Без этого условия не могло быть и речи о десантировании. Началась ожесточенная двухмесячная «Битва за Англию» в воздухе, в которой немецкие ВВС не смогли одержать победу из-за недостаточного радиуса действия истребителей сопровождения

бомбардировщиков, эффективности системы английской ПВО, оборудованной технической новинкой — радарными станциями дальнего обнаружения самолетов, и, конечно, мужества английских летчиков. В результате этой воздушной битвы немцы потеряли 1700 самолетов, а англичане — около 1000 (по немецким данным, наоборот, но порядок совпадает).

К моменту окончания разработки (на бумаге) десантной операции («Морской лев») в сентябре закончился период устойчивой погоды в проливе Ла-Манш, необходимой для успеха высадки большого количества войск. В результате в конце сентября 1940 г. Гитлер, как пишут свидетели, «с облегчением» (душа не лежала к войне с Англией — это и понятно: риск был чрезмерный) принял решение спланировать военную кампанию против СССР летом 1941 года. *Считается (Манштейн), что здесь Гитлер допустил стратегический просчет — потерял темп: при всем риске надо было высаживаться в Англии.* Дальше риски только возрастали. Так ли это?

При всем уважении к Манштейну следует признать, что десантная операция через Канал при доминировании британского военно-морского флота (всего 15 линкоров!) и отсутствии подавляющего превосходства в воздухе люфтваффе была бы безумием. Только в районе Канала базировалась эскадра (Channel Force), состоящая из 2 линкоров, 2 авианосцев и 3 крейсеров. Этого было уже достаточно для нейтрализации малочисленного германского флота (до ввода в строй в 1941 г. линкоров «Бисмарк» и «Тирпиц» немцы имели всего 3 линкора, 2 «карманных» линкора и 5 крейсеров). Плюс к этому в английской главной военно-морской базе Скапа-Флоу и базе Розит, недоступных для немецких бомбардировщиков из-за их малого радиуса действия, находилось еще соединение Home Fleet, состоящее из 7 линкоров, 2 авианосцев и 16 крейсеров. С учетом крайне слабой немецкой торпедоносной авиации (в отличие от японцев, успешно потопивших в 1941 г. два английских линкора в районе Сингапура) и при отсутствии у немцев авианосцев (единственный авианосец «Цепеллин» так и не

был достроен) их шансы на успешное противостояние английскому флоту равнялись нулю. Подтверждением этого является «успешный прорыв» немецкого флота (два линкора «Шарнхорст» и «Гнейзенау», крейсер «Принц Евгений», пять эсминцев и др. корабли) через Ла-Манш из французского Бреста в феврале 1942 г. Что уж тут говорить о десантировании!

В сущности, задача десантирования в Англию при существующем соотношении сил была неразрешима так же, как и во времена Наполеона. Поразительно, но до сих пор не опубликован план *обороны* Англии от немецкого вторжения, который мог бы пролить больше света на его вероятный исход! *Создается ощущение, что операция «Морской лев» вообще была дезинформационным блефом, направленным как на Англию для оказания политического нажима, так и на СССР для скрытия подготовки к агрессии.* В конце концов Гитлер стал решать британскую проблему по примеру того же Наполеона — пытаться отсекать периферию Британской империи (Египет, Гибралтар), включая и ее возможных союзников (СССР). В 1940 г. в противостоянии Англии и Германии возникла патовая ситуация: ни Англия, ни Германия не могли высадиться на вражеских территориях: у Англии не было сухопутной армии, а у Германии — флота. Летом 1941 г., когда немцы считали, что с СССР уже практически покончено, в штабе ОКХ рассматривался сценарий бактериологической войны против Англии (заброса на ее территорию вируса ящура).

Однако уже к 1941 г. для Германии создалась позиция классического цугцванга! Гитлер это понял слишком поздно, так как в 1940 г. угрозы со стороны СССР реально еще не существовало. К лету же 1941 г. Сталин успел развернуть огромную армию (302 дивизии — справка Генштаба от 13 июня 1941 [65]), и опасность пусть не войны, но противостояния на два фронта для Германии стала реальностью. В 1941 г. и так огромный риск немецкой операции против англичан без нейтрализации СССР уже становился чрезмерным. Следует признать эту логику рассуждений разумной. Однако довод о недопустимости войны на два фронта

мог иметь силу только в случае, если бы этот второй фронт был *в действительности*, как в 1914— 1917 гг.

После разгрома Польши и Франции Гитлер не сомневался в победе над СССР. За это, в частности, свидетельствовал и личный боевой опыт офицеров и генералов вермахта, полученный ими во время войны в России в 1914— 1918 гг. Во время Первой мировой войны русская армия не смогла успешно провести против немцев ни одной крупной наступательной операции, все ее победы были достигнуты над австрийскими войсками. Финская война 1939— 1940 гг. с её большими потерями Красной Армии и плохим управлением войсками, казалось, подтвердила это мнение. Так что предполагаемая логика рассуждений Гитлера имела достаточное основание.

Он вместе со своими генералами не учел только одного нового фактора — «фактора Сталина», т.е. созданной им системы государственного управления, которая существенно повысила устойчивость государства и обеспечила неслыханные для старой России мобилизационные и технические возможности. В сочетании с большими ресурсами и возможностью выигрыша времени за счет превентивной мобилизации второго (и третьего) эшелона армий, а также протяженности географического пространства это оказалось решающим фактором *выравнивания* сил Германии и СССР. Если бы эти новые возможности можно было сочетать со старым (царским) офицерским корпусом с его традициями и системой прохождения службы, то, по всей вероятности, новая русская армия с самого начала была бы одной из лучших армий мира, а людские потери России во Второй мировой войне существенно уменьшились бы. Однако это сочетание исторически противоречиво и, следовательно, было невозможно.

А что же Сталин? Каковы его резоны? Программа-минимум его известна — любым способом он добивался контроля над Проливами и Болгарией, аннексии Финляндии. Конечно, СССР готовился, более того, уже был готов к войне (в рамках принятой модели организации вооружен-

ных сил). Кроме того, «все знали» без всякой разведки, что война с Гитлером неизбежна. Слухи о грядущей войне начали интенсивно циркулировать по посольствам всех стран начиная с апреля 1941 г. Именно тогда в дипломатических кругах (английский военный атташе в Италии) впервые была названа настоящая дата начала нападения Германии на СССР — 22 июня. В это время (апрель 1941-го) повсюду шло развертывание германских и советских войск на границе, и скрыть это было невозможно. Если в декабре 1940 г. на восточной границе Германии находилось 34 дивизии, то с февраля по апрель немецкая группировка увеличилась до 103 дивизий (в июне вдоль советской границы было уже 153 немецкие дивизии, или 57 армейских корпусов, из них 11 моторизованных; немецкие пехотные и моторизованные корпуса имели сквозную нумерацию с 1-го по 57-й). В это же время начались интенсивные разведывательные полеты немецких самолетов над территорией СССР на глубину до 150 км (только за апрель — 80 пролетов, а в мае — 180 пролетов). В ответ на ноту советской стороны немцы приводили факты пролета советских самолетов (СБ-2) над немецкой территорией. Особенно скандальным был случай посадки немецкого самолета под Ровно, на котором была обнаружена фото пленка с изображением заснятых военных объектов. Причем и германская, и советская стороны публично мотивировали свои действия как ответную реакцию на концентрацию войск партнера по договору о дружбе.

При анализе Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. неизбежно возникают три главных вопроса, на которые нужно дать ясные ответы:

1) Как Гитлеру удалось обмануть недоверчивого Сталина в 1941 г.?

2) Почему кадровая, хорошо технически оснащенная Красная Армия потерпела сокрушительное поражение в июне 1941 г.?

3) Как в конце концов удалось победить Германию?

Сталин доктринерски считал, что Гитлер на «два фронта» воевать не будет, а потому не нападет на СССР, пока не разделается с Великобританией. Правда, он, как и весь мир, почему-то не задавал себе вопроса о том, *каким образом* это можно сделать и можно ли сделать вообще (настолько все были заворожены блестящими успехами Гитлера: считалось, что для него нет невозможного), т.е. *был ли вообще «второй фронт* после изгнания немцами англичан с Балканского полуострова (т.е. с континента Европа)? Донесения разведки о готовящемся нападении не укладывались в сталинскую доктрину и потому не принимались им во внимание, тем более что эти донесения до 20 июня не носили документального характера, а являлись пересказом разговоров и слухов. Известно, что в вопросах войны и мира доверять разведке опасно — решения принимаются на самом верху и даже самая достоверная информация может быстро устареть. Характерным примером этого является случай с американским шпионом, полковником ГРУ Пеньковским, во время Карибского кризиса 1962 г. Во время своего ареста он послал в ЦРУ сигнал (из двух возможных: «арест» или «война») по «тревожной кнопке» не об аресте, а о неизбежности начала военных действий со стороны СССР. К счастью, ЦРУ «отфильтровало» этот сигнал, не придав ему значения.

Единственным методом получения информации о намерениях высшего руководства является политический зондаж правящих кругов с помощью надежного агента влияния. Этот зондаж был осуществлен через министра иностранных дел Швеции Кристиана Пюнтера. Концентрация немецких войск на границе секретом не была, но концентрация — еще не война. Начинать боевые действия по своей инициативе — огромный риск. Сомнения у Сталина, конечно, были, но он был убежден (в сущности, такой взгляд ему был внушен немцами через «достоверный» источник информации в Швеции), что Гитлер еще не принял решение о **направлении** нападения (СССР или Англия?) и что *«принятие этого решения зависит в большой степени от*

поведения самого Сталина». Информация о том, что *войны с СССР в 1941 г. не будет* (значит, будет война с Англией), была немцами «продублирована» через Финляндию, которая, опять же поделилась ею со Швецией. Отсюда это знаменитое указание «не поддаваться на провокации», отсутствие информационной подготовки к войне и, в конечном счете, неожиданность нападения даже для самого Сталина. Кроме того, к июню 1941 г. он был уверен в достаточности сил для отражения любого удара, если он состоится. Беспокойство у него вызывало только состояние истребительной авиации — она не успевала к лету 1941 г.

Если проанализировать журнал посещений Сталина в 1941 г. (излюбленное занятие историков), то можно увидеть его приоритеты рассматриваемых вопросов и устойчивую структуру организации совещаний. Понятно, что наиболее часто посещают Сталина нарком обороны (Тимошенко) и начальник Генерального штаба (Жуков): почти ежедневные рутинные доклады о состоянии дел и решение текущих вопросов огромной работы по строительству армии — типичные «оперативки». Понятно, что каждый день решаются политические вопросы узким кругом лиц: Сталин, Молотов, Жданов, Маленков, реже Берия, Микоян, Ворошилов, Каганович. Но не менее часто проходят совещания по авиации. Здесь круг участников существенно шире: начиная с Шахурина (наркома авиапрома) с практически ежедневным докладом о состоянии дел, главкома ВВС (Рычагова, а с апреля — Жигарева) до главных авиаконструкторов. Очевидно, что Сталин уделял большое время (не менее 30% рабочего времени) сугубо техническим вопросам авиации, чего не скажешь ни о флоте, ни о других родах вооруженных сил (артиллерии, танках и т.п.), которые почти не представлены в персональном составе участников совещаний. Например, проблемы флота обсуждались у Сталина всего один раз в 1941 г. до начала войны (против 40 совещаний по авиации!). Правда, программа строительства флота (серия из четырех уже заложенных линкоров «Советский Союз», «Советская Россия», «Советская Украина» и «Со-

Восходящая звезда Г.К. Жуков, командующий Киевским особым военным округом, на учениях (1940 г.), фактический главком РККА в июле 1941 г.

ветская Белоруссия») в 1940 г. была приостановлена. Истребительная авиация — вот где Сталин остро ощущал отставание от Германии, и здесь он был прав. К этому времени основной советский истребитель И-16 уже проигрывал немецкому скоростному Ме-109, что проявилось еще в Испании.

Н.Н.Поликарпов вместе с М.И. Гуревичем, бывшим у него руководителем проектного отдела, к 1939 г. спроектировали два современных *скоростных* самолета — И-18 и И-20, из которых вышли известные истребители МиГ-3 и Ла-5. На опытном И-18 (индекс 0, т.е. И-180) в 1938 г. разбился знаменитый Валерий Чкалов. Гибель Чкалова приостановила работы над И-180. В это же время шла жестокая борьба за монополию в истребительной авиации, инициатором которой был А.С. Яковлев, бывший конструктором легкомоторной авиации. Пользуясь служебным положением (замнаркома авиапрома) и обусловленной этим близостью к Сталину, судя по всему, именно он вначале инициировал разделение поликарповского КБ и передачу наибо-

лее квалифицированных кадров (включая Гуревича) во вновь созданное на его месте КБ под руководством бывшего военпреда Артема Микояна. Микоян до этого в составе «тысячи» был переведен из военной приемки в промышленность (КБ Поликарпова). Воспользовались удобным моментом отсутствия Поликарпова: он был командирован в 1939 г. в Германию в составе делегации специалистов авиапрома. При этом вместе с коллективом конструкторов в новое КБ «ушел» и проект самолета И-20, ставшего впоследствии скоростным МиГ-3. Пожились наследием Поликарпова, судя по всему, и другие министерские работники (Лавочкин с Гудковым и Горбуновым), использовав проектную документацию И-18 для «своего» ЛаГГ-3, позднее переделанного в Ла-5. Сам Поликарпов к 1940 г. разработал новую модификацию еще более скоростного И-18 (5-я модель, т.е. И-185) под новый мощный (2000 л.с.) мотор «70-й» серии М-71, двухрядную звезду на базе американского мотора «циклон», разработанный А.Д. Швецовым. Однако мотор М-71 создавался тяжело, надежность его была недостаточной. В конце концов в серию он так и не пошел.

В будущей войне с Германией, в которой никто не сомневался, ставка в авиации Красной Армии была сделана на истребитель И-20 (ставший МиГ-1, а с 100-го номера после внесения изменений по результатам испытаний — МиГ-3). Таким образом, на 1941-й год уже была утверждена серьезная программа выпуска МиГ-3 (3600 шт.) и ЛаГГ-3 (2960 шт.), несмотря на незавершенные летные и войсковые испытания самолетов: на вооружение они еще не были приняты. Вместе с И-26 (позднее Як-1, программа на 1941-й год — 1950 шт.) эти самолеты должны были составить истребительную авиацию ВВС Красной Армии. Яковлев лоббировал разработки своего КБ и придерживал конкурентов, в первую очередь Поликарпова и вышедших из его КБ Микояна — Гуревича.

Моторы к этим новым самолетам (микулинский новый, а потому «сырой» АМ-35 для МиГ-3 и климовский М-105 для ЛаГГ-3 и Як-1) требовались в большом количе-

стве. Программа выпуска на 1941 год предусматривала производство 20 000 (!) моторов М-105 (50% всех планируемых к выпуску моторов) и 8050 моторов АМ-35. Как известно, и АМ-35, и М-105 — это развитие лицензионных моторов БМВ (первоначально имевшего советский индекс М-17, затем после первой микулинской модификации — АМ-34) и HS-12У французской фирмы «Испано-Сюиза», производившихся на заводах № 24 им. Фрунзе в Москве (КБ А. Микулина) и № 26 в Рыбинске (КБ В. Климова). Оба мотора — V-образные, жидкостного охлаждения. Самым мощным был АМ-35 (1400 л.с.).

Программа производства швецовской модификации мотора воздушного охлаждения (однорядная звезда), лицензионного Райт «Циклон» М-62 на пермском заводе для поддержания остаточного парка самолетов И-16 составляла на 1941-й год 1900 штук, т.е. менее 5% общего производства авиамоторов. В это же время Швецовым был разработан и проект быстроходного с коротким ходом поршня, а следовательно, с меньшей лобовой площадью и аэродинамическим сопротивлением, мотора М-82 (позднее АШ-82) в классе мощности 1500 л.с.

Итак, ситуация ясная: производство М-62 на заводе № 19 в Перми сокращается, а потребность в моторах для новых истребителей — огромная, другие заводы не справятся. Естественное решение — передать на пермский завод часть производства мотора АМ-35. В этом случае судьба КБ Швецова печальна, оно превращается из разработчика в сопроводителя чужой разработки.

В январе 1941 г. Сталин вызывает к себе руководство завода № 19. 10 января 1941 г. Приемная Сталина. Восемь часов вечера. В приемной ждут вызова Маленков, Баландин, Гусаров, Кожевников (молодой инженер, военпред, ставший директором завода №19 после репрессий 1937 г.). Маленков, являясь секретарем ЦК и правой рукой Сталина, курировал вопросы авиапрома. Баландин (бывший директор рыбинского завода и будущий, в войну, — уфимского) — зам. наркома авиапрома Шахурин по моторным

делам, Гусаров — секретарь Молотовского (Пермского) обкома. В 20.15 из кабинета выходят Вышинский и Лозовский — заместители наркома иностранных дел Молотова.

В кабинете Сталина, кроме него самого, находятся Молотов и нарком внешней торговли Микоян. Все — в хорошем настроении: только вчера Микояну удалось подписать важное торговое соглашение с торговым представителем Германии Шнурре о расширении поставок оборудования германской стороной вплоть до 1 августа 1942 г., а Молотову — решить вопрос с Шуленбургом о спорной территории («кусочек» Литвы) с помощью компенсации золотом и зафиксировать это решение в секретном протоколе. Назавтра назначен обед в честь посла Германии Шуленбурга. Сталин дает поручение опубликовать сообщение ТАСС о завершившихся германо-советских переговорах: «Пусть все, кому надо, знают, что наши отношения с Германией строятся на долгосрочной основе».

Через десять минут приглашаются «мотористы». Анастас Микоян прощается и уходит, Молотов остается. Почти час длится совещание по авиационному вопросу. Сталина интересует только одно — сроки. «Когда завод сможет приступить к серийному выпуску АМ-35?» Аргументы против одновременного производства моторов различных типов (воздушного охлаждения М-62 и жидкостного охлаждения АМ-35) не принимаются: «делать больше негде».

Больше Сталин никого в этот день не принимает, всего только два вопроса: соглашение с Германией и освоение нового мотора на пермском заводе.

Между тем положение с приемкой МиГ-3, да и с ЛаГГ-3, на вооружение — сложное. По МиГ-3 — дефекты и конструктивные недоработки как по самолету, так и особенно по мотору. В частности — недостаточная приемистость и отказ мотора при резкой даче газа с режима малого газа. Последствия — катастрофические: в случае, если неопытный летчик «мажет» при посадке, то быстро уйти на второй круг не может и бьется. Скоростной самолет, как из-

вестно, имеет высокую посадочную скорость и требует особого мастерства пилотирования при посадке. Отсюда — проблема: как научить неопытных летчиков посадке на скоростных самолетах без аварий? Вообще аварийность в ВВС Красной Армии — огромная: в среднем разбивается 2—3 самолета в день. Эта ситуация во многом сохранилась и в войну. Не случайно во время войны небоевые потери самолетов составляли свыше 50%. Кроме того, МиГу не хватает заявленной дальности (1000 км), тяжеловат мотор для истребителя и пр. На ЛаГГ-3 тоже проблемы — никак не компонуется вооружение, авиационная пушка.

Совещания по вопросам авиации идут у Сталина каждый день: нарком Шахурин, главком ВВС Рычагов, Маленков и другие. Обстановка накаляется. Наконец в феврале МиГ-3 принимают на вооружение, как обычно, с перечнем замечаний. В это же время Яковлев «добывает» Поликарпова, запрещая дальнейшие летные испытания перспективного опытного истребителя И-185 (т.е. И-18 5-я модель) с более мощным, но «сырым» швецовским мотором М-71: завод № 19 будет перестраиваться на выпуск АМ-35, и никаких М-71 не будет. Но к этому времени уже полгода идут испытания нового швецовского мотора М-82, имеющего очевидные преимущества: меньший «лоб», меньшая напряженность, а следовательно, большая надежность. Поликарпову удается согласовать общую позицию по мотору со своим бывшим коллегой Гуревичем: вносится предложение об унифицированной винтомоторной группе для МиГ-3 и И-185 на основе М-82. Да и перестройка пермского завода оказывается не таким простым делом, как это представлялось Сталину — необходимо менять станочное оборудование. Дело в том, что корпуса моторов воздушного и жидкостного охлаждения требуют для механической обработки совершенно разных типов станков. И при этом программу производства М-62 никто не отменял.

9 апреля издается постановление ЦК «Об авариях и катастрофах в ВВС Красной Армии», Рычагова снимают с работы, вместо него назначают его заместителя Жигарева.

В сталинские времена *снятие с работы* было самым страшным наказанием: человек терял иммунитет необходимости, нужности в системе сталинской вертикали власти.

В это же время, в апреле 1941 г., шесть самых передовых предприятий авиационной промышленности (ЦАГИ, два московских — самолетный № 1 и моторный № 24 — завода, самолетный завод № 22 в Филях, рыбинский № 26 и пермский № 19 моторные заводы) были показаны делегации люфтваффе под руководством немецкого военно-воздушного атташе Ашенбреннера с целью предупредить Гитлера об опасности нападения на СССР. Правда, как свидетельствует Ашенбреннер, Гитлер, узнав о результатах поездки, воскликнул: «Теперь стало видно, как далеко зашли эти люди. Нужно начинать немедленно». Известно, что Геринг вообще не поверил отчету о поездке, сочтя невероятным создание современной авиационной промышленности в России. Эти заводы и сегодня являются передовыми, а завод в Филях — не что иное, как знаменитый завод космической техники им. Хруничева (бывшего министра авиапрома, сменившего Шахурина после его ареста).

6 мая 1941 г. Сталин вновь вызывает к себе специалистов наркомата авиапрома для принятия окончательного решения о работах по мотору М-82. В этот день первыми в восемь часов вечера приглашаются Маленков, Жигарев, Шахурин, Артем Микоян, Кожевников, Швецов и др. В кабинете Сталина вместе с ним находится Молотов. Речь идет о перспективах мотора М-82. Конструктор Микоян приглашен не зря: рассматривался вопрос о возможной замене «сырого» и тяжелого мотора АМ-35 на более легкий М-82. Скорее всего, именно на этом совещании причину медленного освоения в войсках самолета МиГ-3 Артем Микоян перевел на НИИ ВВС. После двухчасового совещания мотористов отпустили, решение было принято о серийном производстве М-82 для самолетов МиГ-3, ЛаГГ-3 (Ла-5 — это модификация ЛаГГ-3 с мотором М-82) и И-185 (а позже и для Ту-2) и о прекращении производства АМ-35. Еще на час остались «высшие чины» авиационного руководства страны: Маленков, Шахурин, Жигарев.

Интересно, что длительные (по 4— 5 часов) совещания у Сталина даже по сугубо техническим вопросам авиации проходят с участием «ближнего круга» из членов Политбюро. Сталин любил обсуждать детали. В середине этого последнего часа Сталин позвал наркома только что (в феврале 1941 г.) образованного НКГБ Меркулова, заместителя Берии. Очевидно, что речь шла о том, чтобы разобраться с «саботажниками» в авиапроме и ВВС. Типичной практикой того времени было поручение составить план мероприятий «по разоблачению и предупреждению вредительства и шпионажа». Вскоре руководство НИИ ВВС (Филин и др.), ВВС МВО (Пумпур и др.) было арестовано. Арестовали и уже снятого с работы Рычагова и его предшественника на этом посту Смушкевича, боевых летчиков, Героев Советского Союза. Все они были признаны виновными в аварийности и саботаже принятия на вооружение истребителя МиГ-3 и расстреляны.

Апрель, май и июнь 1941 г. — «авиационные» месяцы в работе Сталина. Да тут еще и беспрепятственный пролет через систему ПВО и посадка на Центральном аэродроме «Юнкерса-52». После арестов руководства ВВС Сталин 24 мая собирает совещание командующих военными округами, членов военных советов и начальников ВВС. В сочинениях некоторых историков это событие, подробности которого не известны, связывается с июньскими **будущими** событиями (якобы планирование превентивного удара). Однако более чем вероятно, что упомянутое совещание связано с событиями **прошлыми** — только что случившейся «зачисткой» ВВС. Ключевыми фигурами этого совещания являются начальники ВВС Новиков (будущий маршал авиации, арестован уже после войны) — ЛВО, Ионов (летчик Первой мировой — георгиевский кавалер, арестован 25.06 и позже расстрелян) — ПриОВО, Копец (застрелен 23 июня 1941 г.) — ЗапОВО, Птухин (снят с должности 20.06 за аварийность, арестован 24.06, позже расстрелян) — КОВО, Мичугин (27.06 снят с должности, но прошел всю войну, командуя в 1941—1942 гг. ВВС Запфронта) — ОдВО. На совещании речь шла, скорее всего, об

ускорении освоения новой техники и персональной ответственности за аварийность. Если бы речь шла о «превентивном ударе», то на совещании должны были бы присутствовать начальники штабов округов. А их не было.

Столь же пристального внимания, как к авиации, Сталин (в отличие от Гитлера) к военным оперативно-стратегическим вопросам до начала войны не проявлял, предпочитая здесь действовать бюрократически, т.е. оформляя поручения *по принадлежности* (есть такой бюрократический термин) наркомату обороны от имени Политбюро ЦК. В результате в течение десяти дней после начала войны (когда оказалось, что наркомат обороны в лице Тимошенко и Жукова *не выполнил поручение Политбюро* о разгроме вторгшейся германской армии) ему пришлось принять тяжелое решение стать самому наркомом обороны, взвалив на себя кроме политической и ответственность за управление военными действиями, *не имея при этом никакого опыта стратегического и оперативного планирования*. Экспериментировать же с новыми назначениями на пост наркома обороны было опасно. В такой войне военные и политические решения становятся взаимосвязанными. В соответствии с принятой Сталиным практикой были наказаны лица, не обеспечившие выполнение поручения Политбюро (командзап Павлов и др. расстреляны, а Тимошенко и позже Жуков фактически сняты со своих постов).

Было ли это решение (стать наркомом обороны и главнокомандующим) правильным? Ведь оно дорого обошлось Красной Армии, пока Сталин не освоил технологию военного управления. Был ли бы Тимошенко лучшим военным руководителем в 1941—1942 гг.? На этот вопрос нет ответа, есть лишь историческая проблема и мера исторической ответственности за принятое решение. Профессиональная неподготовленность Сталина к выполнению принятой на себя военной роли была следствием его очевидной довоенной *политической* ошибки: он не предполагал такого развития событий (становиться военным руководителем). Так получилось, что сам Сталин оказался не готов к «большой»

войне и Гитлер, профессионально совмещая военное и политическое руководство, получил здесь большую фору.

Но вернемся к анализу совещаний у Сталина. До 21 июня 1941 г. не видно никаких изменений в ритме и тематике совещаний (за исключением короткого всплеска приоритета политических вопросов в начале мая — Сталин становится Председателем Совнаркома вместо Молотова, закрепляя де-факто сложившийся порядок; Сталин уже давно во главе правительства), — все идет как по-накатанному: те же 30% времени посвящены проблемам авиации. Это свидетельствует о том, что Сталин действительно вплоть до начала войны работал *в мирном режиме*, не ожидая нападения и политически не планируя его сам.

Послав сигнал Гитлеру о своем видении ситуации в виде сообщения ТАСС и не получив ответа, Сталин впервые явно занервничал. Признаком этого явилась известная резолюция на рутинном разведывательном сообщении из Берлина (17 июня) от «источника в штабе германской авиации»: «Пошлите этот источник из штаба герм. авиации к е...ной матери. Это не информатор, а дезинформатор. Сталин» [65]. Что так раздражило Сталина в этом сообщении? Надо думать, не очередное сообщение о подготовке Германии к войне, которые до сих пор не устаивались сталинских резолюций. Ключевой информацией в этом сообщении было отмеченное в нем «ироническое» отношение Берлина к сообщению ТАСС. Это Сталин воспринял как личное оскорбление.

После безуспешной попытки Молотова 18 июня связаться с Гитлером из Берлина к Сталину срочно вызывается военно-морской (?) атташе советского посольства Воронцов, назначенный туда всего четыре месяца назад (в феврале он представлялся Гальдеру в Берлине). Что же произошло в эти дни? Дело в том, что Воронцов получает *документальную* информацию о близком начале войны от шведского военно-морского атташе в Берлине. Это был официальный запрос немецкого командования о маршрутах шведских судов и самолетов в Балтийском море начи-

ная с 22 июня с целью предотвращения их уничтожения по ошибке во время военных действий с СССР.

21 июня в 19.00 у Сталина собирается «настоящее» руководство (Молотов, Берия, Маленков, нарком обороны Тимошенко, нарком ВМФ Кузнецов, председатель Госплана Вознесенский, начальник мобилизационно-планового отдела Совнаркома Сафонов), перед которым выступает Воронцов. Через час руководители наркоматов отправляются отдавать указания о подготовке своих ведомств к работе в условиях войны. Между тем в 20.50 Тимошенко возвращается вместе с Жуковым и Буденным (командующим армиями резерва главного командования), еще через час появляется запоздавший Мехлис, замнаркома обороны, доверенное лицо Сталина. Последний час четырехчасового совещания проходит в составе: Сталин, Молотов, Берия и Воронцов (!). К ночи Тимошенко, Жуков и Ватутин привозят на квартиру Сталина, где уже собралось Политбюро, для утверждения Директиву №1 военным округам о возможном нападении Германии.

Характерно, что сам Гитлер в последние месяцы перед войной фактически сохранял молчание (никак не комментировал слухи о войне), чтобы усилить неопределенность: известно, что любое высказывание (даже ложное) информативно при соответствующем анализе. Даже при обсуждении им русских вопросов тет-а-тет с Шуленбургом 28 апреля 1941 г. в Берлине речь шла о частностях, а не о стратегии, т.е. не о грядущей войне. Поэтому наиболее информативным (ставшее известным постфактум) является письмо Гитлера своему «другу» Муссолини от 21 июня 1941 г. (цитируется ниже), в котором он после вынужденного молчания наконец высказывается вполне откровенно.

Опыт с Польшей свидетельствовал, что Гитлер даже при полной готовности войск окончательное решение о нападении принимает в последний момент (не раньше, чем за десять дней до дня «Д»), и, таким образом, ситуацию можно сделать обратимой на самой последней стадии, отыграть назад (в Польше начавшееся было вторжение 26 августа было внезапно остановлено до перехода границы по прика-

зу Гитлера и возобновлено только через пять дней, когда окончательно стало ясно, что мирного варианта не будет).

Немцы осуществили удачную дезинформационную кампанию против СССР через дипломатические каналы, в частности через Швецию, где советским полпредом была пользующаяся доверием шведских властей и... Сталина Александра Коллонтай. Не случайно она была единственным к тому времени оставшимся в живых членом ЦК VI съезда партии: между ней и Сталиным были особые отношения с 1920-х гг., когда Сталин ценил всех, принявших его сторону в борьбе за власть. Именно Сталин сделал ее дипломатом, отправив (по ее просьбе) послом в Норвегию в 1923 г. после разрыва ее отношений с Дыбенко (как говорят, Сталин при этом сказал: «Дурак ты, Дыбенко»). Очевидно, что это доверие базировалось на достоверности получаемой из этого *независимого* от Наркоминдела источника информации в течение многих лет. Скорее всего, именно абвер проделал несложную аналитическую работу, сопоставив списки уцелевших соратников Сталина и действующих советских дипломатов. Немцы также не без основания считали, что и переписка германского посла Шуленбурга с МИДом расшифровывается советскими органами разведки. Поэтому в немецких «секретных» дипломатических сообщениях в Берлин Шуленбург подчеркивал миролюбие СССР, а сам он получал из Берлина рутинные (не предвещавшие смены политического курса) сообщения о якобы проводимых расследованиях незаконных пролетов немецких самолетов над территорией СССР и т.п. Ничто не предвещало резких изменений германской политики до вечера 21 июня.

Немецкая технология дезинформации заключалась в *отсутствии* документальной информации о подготовке к войне по каналам МИДа, контролируемым советской разведкой. НКВД считал большим успехом (свидетельство Судоплатова) доступ к германской диппочте, не подозревая о возможной преднамеренности такого доступа с германской стороны. Использовался ли при этом германский

СОДЕРЖАНИЕ

Война на Западе и предвоенная обстановка в СССР (как Гитлер обманул Сталина)	5
Война. 22 июня и другие дни 1941-го	66
Провал операции «Зильберфукс» и очередная война с Финляндией	214
1942-й — год неудачных наступлений	228
Первый Сталинский удар под Москвой	232
Два «мешка»: немецкий Демянск и русское Погостье	235
Мехлис неудачно воюет в Крыму с Манштейном	239
План немецкого стратегического наступления	242
Тимошенко начинает и... проигрывает	248
От «Черной» до «Высокой» гор	281
Сталинград и Ржев	288
«Утерянные победы» Красной Армии	304
От Курска к Днепру в 1943 году. Прохоровка и Ахтырка	321
Киев, Фастов и Никополь	339
Год 1944-й	350
Сражение за Будапешт и Карпаты — южный форпост рейха	376
Советский блицкриг в Польше	382
Берлин	393
Четвертая война с Японией.	406

Артиллерия или авиация?	417
История кавалерийских корпусов Красной Армии	422
Судьбы немецких генералов 1941 года	426
О рейтингах	429
Библиография	438
П р и л о ж е н и е. Десять тезисов о Великой Отечественной войне	442